Молодой Грифон

Выход из сердца горы был слегка менее приятным, чем вход. Меч моего покойного дяди был плохой тростью, а использование рук панкратиона для поддержания моего тела было достаточно трудоёмким. Звёздный костный мозг Держателя-Поводьев делал всё возможное, но Сократ приложил должную силу к своему броску. Пока что, я мог только терпеть и делать то, что мог, используя знания, которые дала мне Анастасия и направляя пневму в те части тела, где она была нужнее всего – что, вопреки ожиданиям, не всегда было там, где были раны.

Я поднял руку против света, выходя на улицу. Мистики, стоявшие на страже у входа в подземное поместье, оглядели меня, заметно остановившись на уродливом синяке на груди, куда старый философ бросил камень и раздробил мне рёбра.

— Я так понимаю, Овод был там, — сочувственно сказал один из стражников. Я хмыкнул. — Ну, по крайней мере, вы его нашли.

— Чему-нибудь научился? — спросил другой стражник, веселье в его голосе боролось с жалостью.

— Кое-чему, — ответил я, прохрамывая мимо них.

— Грифон!

— Как всё прошло?

Маленький король и его защитник бросили ветки, которыми они сражались в соседнем горном гроте, и помчались в мою сторону. Стражники уже были неохотными, когда пропускали меня, и это учитывая, что у меня, очевидно, были веские причины для поиска Сократа. У мальчишек, к сожалению, не было и шанса.

Теперь они компенсировали это, засыпая меня вопросами и прыгая на мои плечи. Я отшатнулся назад, когда они налетели на меня, маленький король закатил глаза на мои театральные выходки. В конце концов, это был не первый раз, когда я притворялся, что они имеют надо мной больше власти, чем было на самом деле.

Он стал слегка более беспокойным, когда я сгорбился и закашлял, разбрызгивая кровь по горной тропе.

— Ты ранен! Ты действительно ранен! Это был Овод? Он преследует тебя?

— Сначала слезь с него, — прошипел маленький защитник, стаскивая своего брата с моего плеча. Оба мальчика беспокойно кружили вокруг меня, бросая настороженные взгляды на вход в центр горы. Затем вышел Сол, и оба стражника бесшумно расступились, когда он проходил мимо. Мальчики пристроились за мной.

— Это…

— Восставший?

Ах, да. Это то, как его называет Лефтерис.

— Мальчишки, — сказал я, как только перестал плеваться кровью. Они подняли головы. — Вы можете найти своего опекуна? — Они обменялись изумлёнными взглядами.

— Мы уже говорили тебе, он...

— Я не потерплю лжи, и у меня кончается терпение на недомолвки, — грубо сказал я. Маленький защитник прикусил губу. Маленький король смотрел в ответ с вызовом так долго, как только мог.

Сол подошёл ко мне сзади и нейтрально посмотрел на него.

Маленький Лео вздрогнул и отвёл взгляд: «Мы можем», — пробормотал он и потянулся к золотой нити, обвязанной вокруг его левого запястья.

Мы с Солом заворожённо наблюдали, как золотая нить распуталась вокруг его запястья, а затем натянулась, словно невидимая рука потянула за другой её конец. Она повернулась и указала на юго-запад, вниз по горе.

— Идите, — приказал я им, и оба мальчика заметно боролись с желанием сказать мне "нет". Одно дело, когда они шли за мной думая, что их не поймают. Потом, когда Кайно и его крокодил таки поймали их, они утешали себя тем, что, по крайней мере, я буду рядом с ними, когда Лефтерис узнает об этом.

Но здесь и сейчас я говорил им, чтобы они сами разыскали его. Одни. У них не будет ничего, чтобы смягчить удар, и они оба это знали.

— Вы предложили мне сразиться с Оводом в обмен на моё обучение, а я сказал, что этого недостаточно, — сказал я, сглатывая кровь, вставая перед ними на колени. — Вы уже поняли, почему? Потому что вы сами этого хотели. Это бы ничего вам не стоило. Если вы двое действительно хотите стать моими учениками, найдите своего опекуна и расскажите ему о том, что вы сделали. Стойте гордо, когда он будет бушевать. Не колебайтесь. И любыми способами приведите его в дом Элиссы. Сделайте это, и я научу вас, детей подворотни, кое-чему о справедливости.

Было интересно наблюдать, как они вместе решают дилемму своих обстоятельств. Я отстранённо подумал, не испытывал ли Сократ похожие чувства, когда мы с Солом столкнулись с ним в его пещере.

Они пришли к решению. Лео глубоко вздохнул и протянул брату тыльную сторону кулака.

— Со мной?

— Всегда, — сказал Пир, ударив по кулаку тыльной стороной ладони.

— Мы приведём его к закату, — пообещал Лео, крепко сжимая золотую нить. С этими словами оба мальчика повернулись и пошли вниз по ступеням горы, ведомые нитью их опекуна.

Сол нахмурился: «Что это было?»

— Есть огромное количество вещей, которых ты не знаешь, Сол, — сказал я. Он закатил глаза, когда мы оба пошли вниз по горе. — И ещё больше тех, что наши спутники скрывают от нас. Из-за страха, из-за паранойи...

Тихий свист ветра возвестил о разрыве завесы, как только стражники скрылись из виду, и игрушечные солдатики Сола вышли из пустого воздуха рядом с нами.

— … и из-за стыда, — закончил я, бросив взгляд на Скифаса и Джейсона. Идущий по ветру оскалил зубы, но не проронил ни слова, а опозоренный капитан морей и вовсе избегал моего взгляда. На мгновение я попытался представить Николаса на их месте. Героя, которого запугала пара мелких Философов.

— Что смешного? — выдавил Скифас. Я покачал головой, борясь со своим хорошим настроением. Учитывая моё состояние, смех приведёт лишь к тому, что я выплюну ещё больше крови.

— Ничего, — сказал я, улыбаясь, — кроме тебя.

— Скифас, Джейсон. — Сказал Сол. Герои прикусили свои языки и умерили нарастающий гнев. — Вы можете найти остальных? Нам нужно поговорить.

— Всем нам, — добавил я.

— Мы можем, — неохотно сказал Скифас. Сол посмотрел на невысокого героя. Он вздохнул.

— Иди.

Герой Косящего Шквала просто кивнул, и они исчезли, снова вступая в ветер.

— Во что ты играешь, Грифон? — спросил меня Сол, когда мы спускались по лестнице в небо.

— Я могу спросить тебя о том же.

Толпа детей, не менее юных оттого, что каждый из них находился в Софическом Царстве, с любопытством смотрела на нас, когда мы сошли с лестницы и прошли через арочные ворота, отделяющие Бушующее Небо от Олимпии. Они ждали нас с затаённым нетерпением – лестница в небо была лишь достаточно широкой, чтобы по ней мог пройти один человек за раз. Как только прошёл я, а за мной Сол, они понеслись вверх по ступеням – каждый наступая на пятки другому.

Мы с Солом смотрели им вслед. И наконец-то, мой никчёмный Римский брат произнёс слова, которые были у нас обоих на уме.

— Я хочу узнать.

— Что ты хочешь узнать? — спросил я беспечно, как будто меня не мучило то же самое желание.

Мы продолжили путь в Город Полу-Шага, по величественным улицам, достаточно широким, чтобы по ним могли проехать три повозки, не опасаясь столкновения. Город был живым, как и всегда, приглушенный шум Бури, Которая Никогда Не Прекращалась, уступил место грому человечества, сотням мужчин и женщин, занимающихся сотнями разных дел, куда бы вы ни посмотрели. Через несколько минут после выхода с Каукосо Монс я заметил человека, торгующего пойлом и называющего его духовным вином, более дюжины гетер, зазывающих и мужчин и женщин со своих балконов и благоухающих магазинов, и даже группу уличных артистов с барабанами и флейтами и, почему-то, змеёй, скользящей под их ритм.

— Один мой подчинённый как-то сказал мне, что человек имеет право, по крайней мере, на собственных демонов, — сказал Сол, когда мы проходили под аркой из спутанных ветвей,

образованной двумя деревьями по обе стороны дороги, тянущимися друг к другу. — Будь ты солдатом, мистиком или простым человеком, пытающимся обеспечить семью, всегда найдутся начальники и иждивенцы, претендующие на твоё время, твоё внимание и твои секреты.

Я хмыкнул, наблюдая, как пара уличных крыс приближается к человеку, продающему фрукты. Кожа мальчишки прилипала к рёбрам, обрисовывая каждое из них, а щеки девочки были лишены жира, который должен быть у ребёнка её возраста. Не сбавляя шага, я создал руку намерения панкратиона и громко щёлкнул пальцами возле уха торговца. Тот вздрогнул и обернулся, начав кричать на ближайшего бездельника. Крысята выскочили из тени и, схватив из корзин у его ног столько фиг и груш, сколько могли унести, бросились с добычей в соседний переулок.

— Каждый человек заслуживает хотя бы один секрет, не так ли? — спросил я. Сол хмыкнул в подтверждение. — Но ты всё равно хочешь их узнать.

— Хочу. — Идя рядом со мной, он впивался глазами в город. Под толстым слоем Римского презрения скрывалось восхищение. — Аристотель иногда рассказывал мне истории о Греции – о её великих героях и искусствах, которые они вдохновляли, а также о её Тиранах.

— И? Ты встретил моего отца и больше Героических душ, чем шлюх на симпозиуме. Было ли всё таким, как ты думал?

Неосознанно, и вопреки своим стараниям, Сол усмехнулся.

— Твой отец именно такой, каким, как предупреждал Аристотель, может быть Тиран, — сказал он. — Но герои, которых мы встречали, были неправильными. И какая-то часть меня не может не задаваться вопросом…

— Если наши спутники не такие, какими они должны быть, потому что Тираны в их жизни именно такие. — Я закончил его мысль за него, потому что это была и моя мысль.

— Эта часть меня хочет узнать, — сказал он, — хотя она и не имеет на это права.

Мы прошли через большую агору, граждане и философы всех возрастов бессознательно расступались перед нами, когда приливное влияние Сола уводило их с дороги. Я протянул руку сквозь жутковатые струи фонтана, где несколько недель назад мы встретили Джейсона и Элиссу: струи воды просто падали в небо, а затем возвращались на землю.

— Какое право нам нужно, чтобы искать правду? — спросил я, стряхивая влагу с пальцев и наблюдая, как она по спирали поднимается в воздух, чтобы вновь соединиться с фонтаном. — Какое право нам вообще нужно на что-либо, если мы можем просто взять это?

— Это не костяшки в игре в кости, — раздражённо сказал Сол. — Здесь нет награды за то, что ты берёшь от окружающего мира всё, что можешь. Это настоящие люди, живущие и дышащие так же, как и ты. Если они хотят оставить худшее из своих страданий при себе, почему мы не должны позволить им это?

Я насмешливо хмыкнул, и он резко посмотрел на меня. Никчёмный Римлянин, если ты хочешь, чтобы я уверил тебя в праведности твоего первого порыва, тебе достаточно просто попросить.

— Потому что если бы я соблюдал такую жалкую вежливость, ты бы всё ещё оставался бы рабом в цепях, — сказал я ему и увидел облегчение в его глазах.

— Это другое, — сказал он, потому что с ним никогда не бывает просто. — Ты делаешь это не для них. — Я перекинул руку через его плечо и прикоснулся боком моей головы к его.

— А кто сказал, что это для тебя? — легко спросил я, отбросив его слабую попытку оттолкнуть меня. — Вы с Сократом оба читаете мне лекции, как будто я не понимаю разницы между человеком и куском глины. Какая разница, что мои действия эгоистичны в своей основе, если они нужны другой стороне?

— Намерение не имеет значения, — размышляет Сол.

— Не тогда, когда результат – король, — согласился я. Он резко вдохнул и кивнул.

— Верно. Тогда, если мы собираемся это сделать, мы должны быть уверены, что оставим их в лучшем состоянии, чем нашли.

— И это снимет с тебя вину? — спросил я, приподняв бровь. — Вытаскивать из них их демонов, раскапывать то, что сделало их такими, чтобы удовлетворить собственное любопытство – сможешь ли ты оправдать это, если они уйдут, ненавидя тебя? До тех пор пока они станут сильнее от того, что пережили это?

Как бы ни стремился последний сын Рима укрыться в апатии, ему не удалось обмануть меня. И какими бы ни были его намерения, когда мы сошли с Эоса и вошли в город-святилище, результатом оказалась привязанность. Вопреки всем своим усилиям, Сол полюбил этих обездоленных Героев и их проблемный культ за те недели, что прошли с момента нашего знакомства. Была ли это симпатия или товарищество, не имело значения. Осознанно или нет, но внутренне он уже принял их, а значит, принял и их проблемы.

Откуда я это узнал? Это было очевидно.

Я был точно таким же.

— Они возненавидят нас в любом случае, как только поймут, кто мы на самом деле, — устало сказал он. — Самое меньшее, что мы можем сделать, – это дать им немного мира в обмен на их страдания.

— Самое меньшее, что мы можем сделать, – это вообще ничего не сделать, — поправил я его. — А это, самое меньшее из того что мы сделаем. И лично, я не намерен останавливаться на достигнутом.

Он бросил на меня вопросительный взгляд.

— Мой кузен был Философом, когда он покинул Алый Город, и он был один. Когда он вернулся, чтобы жениться со своей женщиной, он был Героем. Ты помнишь, сколько спутников они привели с собой?

— Шесть, — быстро ответил он, поскольку в то время был одним из рабов, готовивших им жилье. — Всего их было восемь.

— Всего их было восемь, и каждый из них – Герой. — Я кивнул. — То, чего ты не мог знать, будучи рабом, – это то, что из этих спутников трое пришли с его женой, и трое с ним. Две группы по четыре человека, объединённые их союзом.

— Ближе к делу.

— Нетерпеливый негодяй, — сказал я, крепко сжимая руку вокруг его плеча. — Почему, по-твоему, все лучшие истории всегда о группах и командах? Даже Музы знают, что так лучше. На каждого Героя, который может в одиночку противостоять Тирану, приходится три, которые могут сделать это только вместе.

— Сила в количестве. Сила в справедливости, — добавил я, поднимая пальцы по очереди. — Мой кузен создал себе имя с командой из четырёх человек. Tessera – вот, что есть справедливость. Его жена сделала то же самое с группой такого же размера, и это тоже есть справедливость. В своём союзе они создали ковенант из восьми Героических душ – справедливость вдвойне. Нечто гораздо большее, чем сумма его частей.

Мышцы на челюсти Сола напряглись. Разумеется, с его стороны не было никакого грандиозного осознания. Как и я всё время знал, о чём он думает, так и он уже знал о моих намерениях.

— Скифас, Джейсон и Анастасия, — произнёс он, перечисляя имена тех, кого считал своими.

— Элисса, Кайно и Лефтерис, — ответил я.

— С чего ты взял, что они этого хотят? С чего ты взял, что они смогут терпеть друг друга, даже если это произойдёт? Мы понятия не имеем, чего они здесь добиваются, – кроме того, что они прибыли со всех концов свободного Средиземноморья, чтобы побороться за это. Насколько нам известно, успех одного из них может означать смерть для остальных пяти.

— Мы знаем, что четверо из них презирают своих старейшин настолько, что взялись за оружие против их Воро́н, — сказал я, напомнив ему о недоброжелательности, которая привела к нашей встрече с Сократом. — Мы знаем, что Скифас сейчас с большей охотой прислуживает тебе, чем ты когда-либо прислуживал мне, будучи моим рабом.

Глаза Сола закатились: «А Лефтерис?»

— А чего хочет Лефтерис, вряд ли имеет значение, — лукаво сказал я. — Потому что он всё равно поставит своих мальчишек выше этого.

— А эти мальчишки едят с твоей руки. — Он вздохнул. — Что за история за ними стоит? Они недостаточно похожи на него, чтобы быть его детьми.

— У меня есть только подозрения.

— Но ты знаешь, что он ценит их больше, чем свои собственные желания, — заметил Сол. Я хмыкнул, подтверждая это. — Значит, ты будешь шантажировать его, чтобы он присоединился к тебе, используя его иждивенцев как рычаг давления? Есть слово для людей, которые так делают.

— Я ничего не сделаю с его мальчишками, — сказал я, отмахнувшись от этой мысли. — Но если маленький король и его защитник решат, что хотят присоединиться ко мне, то у меня не будет причин им отказывать. Кроме того, Лефтерис и так привязан к Элиссе и Кайно. Если они пойдут, он, конечно, захочет последовать за ними. А если мальчишки будут сидеть у него на ушах, умоляя его присоединиться?

— И всё это только для того, чтобы немного развлечься?

— Никчёмный Римлянин, я уже сказал тебе – вещь может быть хороша больше одного раза. Всё что я делаю, я делаю для собственного удовольствия, как оно и должно быть, но это не значит, что моё веселье не может также служить великой цели. Ты думаешь, что ты единственный, кто обращает внимание на этих жалких Героев и их прогнивший, тонущий культ? Нет. Кто сказал, что моё стремление к вершинам должно противоречить моему стремлению к счастью? Почему человек не должен улыбаться, когда он ловит зубами молнию невзгоды?

— Я буду иметь это в виду, когда мой путь подойдёт к концу, — сказал он, мрачный Римский юмор проявился в его слабой ухмылке. Я рассмеялся, мои внутренние и внешние синяки болезненно запульсировали.

— Проследи за этим! Я не могу придумать ничего более страшного, чем Римлянин с улыбкой на лице. У этих собак не будет и шанса.

Он фыркнул: «В твоём грандиозном замысле всё ещё есть изъян».

— Хо?

— Ты хочешь создать Героическую команду, но мы ещё даже не Герои.

Впереди нас мужчина, явно миновавший свой расцвет, выругался, когда толпа вытолкнула его на дорогу Сола и их плечи столкнулись. Он пошатнулся, и влияние Философа омыло нас, когда его пневма возмущённо взревела. Философ третьего ранга.

— Ублюдок!.. — прорычал он, восстанавливая равновесие и расправляя плечи.

Сол пристально посмотрел на мужчину, а я приподнял бровь рядом с ним.

Мужчина попятился. Количество глаз смотрящих на нас увеличилось, горожане остановились, чтобы посмотреть на назревающий конфликт, и я позволил моему жестокому намерению проявиться без пламени, чтобы сделать его видимым. Философ вздрогнул.

— Смотри куда идёшь, — выплюнул он, и Сол позволил ему эту символическую попытку сохранить свое положение. Старший культиватор начал уходить так быстро, как только мог, не переходя на бег.

Я взглянул на Сола.

— Разве это имеет значение?

http://tl.rulate.ru/book/93122/3612181